

Вячеслав
Олегович
Малинка

Н аучный руководитель для «товарищей дорогих»

Я окончил университет в 1986 г. Первые впечатления, которые сразу же вспоминаются и повлияли на мою дальнейшую жизнь, остались от игры в театре. На нашем курсе было много творческих людей, и они объединились в театральную группу. А первым режиссером была наша подруга Юлия Зимина, которая окончила педагогический институт и занималась в театральной студии. Сейчас она ставит спектакли во Франции.

Увлечение театром началось с первого курса, и некоторые из нас, уже не будучи студентами, продолжали там играть. Мы ставили спектакли в зале общежития МГУ и в доме пионеров на Дорогомиловской улице. Играли различные пьесы:

«Автобус» болгарского драматурга Станислава Стратиева, «Зеленую птичку» Карло Гоцци, «Мещанскую свадьбу» Бертольда Брехта. Потом все занялись своей карьерой, и актерская деятельность закончилась.

Говоря о студенческом времени, вспоминаешь, конечно же, людей. Основные друзья, которые остаются, — либо школьные, либо студенческие. Но школьные, я думаю, в меньшей степени. А студенческие почти всю жизнь продолжают быть рядом с тобой, некоторые — и в работе.

Сейчас, наверное, студенческая жизнь стала сложнее. Потому что, с одной стороны, надо учиться, а с другой — перед тобой есть все блага в виде денег, развлечений и т.д., которые смущают молодых людей. Тогда было время попроще. Если кто-то и зарабатывал, то только для того, чтобы как-то прожить. Мешки разгружали, кто-то дворником работал, потому что жили в общежитии, или стипендии не хватало, или некому было помочь. Мне кажется, в то время мы больше занимались даже не учебой, а студенческой жизнью. Проводили много времени в общежитии (а какое еще могло быть место для общения, если все жили в скромных условиях?). Что же касается учебы, я думаю, во все времена это происходит одинаково: кто-то учится, а кто-то нет.

Сегодня я, может быть, выбрал бы другую профессию. Но... это сейчас, через много лет, я понял, что существует много других интересных специальностей — химия, агрономия, геология. Но для этого должно было пройти 20 лет после МГУ, чтобы взгляд на мир изменился. А в то время я поступал на экономический факультет вполне осознанно. Хотел, как многие тогда, пойти на экономику зарубежных стран, но не прошел собеседование. Изучал политэкономия, помню спецсеминары по «Капиталу» и «Теории прибавочной стоимости», хотя прикладные науки были ближе: статистика, экономика промышленности.

* * *

Мы с моими университетскими друзьями Евгения Григорьевича очень хорошо знали, потому что учились на одном курсе с его дочерью, Ирой. Наверное, поэтому наши с ним отношения можно назвать в какой-то степени менее формальными. Собственно, от Иры мы о профессоре Ясине слышали еще до того, как он начал читать у нас лекции по экономической статистике.

На его лекции студенты ходили, потому что профессор Ясин в интересной и понятной форме мог донести до слушателей свои мысли и взгляды на жизнь. И в сравнении со многими другими преподавателями его язык был особенно интересным, а лекции были даже не столько предметными, сколько общеэкономическими. Это было важно, потому что в принципе Евгений Григорьевич должен был читать достаточно рамочный предмет. Но он это превращал в лекции об экономике в целом. Кроме того, учитывая советское время, нужно было владеть эзоповым языком, чтобы, обходя догмы марксизма-ленинизма, умудриться излагать свое видение. Евгений Григорьевич умел ясно продемонстрировать, что ему нравятся во всем этом, а что — нет.

Кстати, он любил рассказывать одну историю. Ясин сначала окончил Одесский гидротехнический институт и часто припоминал, что один мост, в строительстве которого он принимал участие, то ли рухнул, то ли еще что-то с ним случилось. Я до сих пор, честно говоря, не могу до конца поверить в эту историю. Думаю, что это просто «фенька», которую он придумал, чтобы показать, что экономист из него получился лучший, чем мостостроитель.

Еще хорошо запомнилась фраза, которую Ясин любил произносить в начале занятия, — «Товарищи дорогие!». Он часто использовал это выражение: «Ну что, товарищи дорогие?». Причем именно не «дорогие товарищи», а «товарищи дорогие». Интересно, говорит он сейчас так или

нет?.. Конечно, Евгений Григорьевич на фоне многих людей в МГУ, как никто другой, подходил под звание профессора. И даже не по знаниям, а просто по тому, как он общался, разговаривал, как уважал своих собеседников вне зависимости от того, какого они возраста или какие взгляды исповедуют.

С третьего курса я писал у него курсовую работу, а потом и дипломную. Название дипломной уже не вспомню: что-то связанное с воспроизводством основных фондов. И диссертацию писал по схожей теме на кафедре статистики. После окончания университета я поступил в заочную аспирантуру МГУ на четыре года и работал в ЦЭМИ в лаборатории Ясина. Что касается моего решения пойти в аспирантуру, то, с одной стороны, мне нравилось учиться, а с другой — сыграло свою роль и отсутствие каких-то альтернатив.

Сейчас могу честно сказать, что не горжусь своей диссертацией. У меня даже нет ни одного ее экземпляра. Это не в обиду Евгению Григорьевичу будет сказано, просто я не считаю ее научным трудом и, скажем так, простился как с ней, так и с авторефератом.

Как научный руководитель Евгений Григорьевич не был жестким человеком, придиравшимся к каким-то вещам. Скорее, он наводил своих учеников на определенные мысли, которые потом находили отражение в работе. Думаю, что Евгений Григорьевич ко всем этим вещам относился со здоровой степенью формальности. «Формальности» в том смысле, что с высоты своих лет (а ему было уже больше пятидесяти) он прекрасно понимал, что мальчишки без особого опыта, которые только что окончили университет, никаких открытий в своих аспирантских работах не сделают. И поэтому относился к этому просто как к необходимости (хотя, может быть, Евгений Григорьевич со мной и не согласится). С моей точки зрения,

у него был правильный подход: дать человеку возможность поработать в кругу интересных людей, почитать умные книги, послушать разные мысли, а потом уже каким-то образом использовать все это в своей работе.

* * *

Так получилось, что я не только учился у Евгения Григорьевича, но и работал с ним вместе. Надо отметить, что он ведет себя одинаково во всех обстановках. Есть люди, которые четко разделяют, как себя вести в разных средах. А Евгений Григорьевич, как мне кажется, этого разделения не делал — и это, несомненно, положительная черта. Такие люди гораздо больше вызывают симпатию, чем те, которые меняют свои лица. Поэтому с Ясиным можно было совершенно спокойно общаться в любой обстановке.

В ЦЭМИ мы у него работали по договору с Министерством электротехнической промышленности. Задача, в основном, заключалась в работе с базами данных, цифрами. Тогда только начали появляться персональные компьютеры, которые заменили большие компьютеры с перфокартами. И в нашем отделе к двум или трем персональным компьютерам сразу же образовалась очередь — в том числе и поиграть в тетрис. Очень была популярная игра, в ЦЭМИ даже проходили чемпионаты по тетрису.

В период после 1985 г., когда к власти пришел Горбачев, стало уже проще, появилась возможность открыто говорить о реальных проблемах. Поднятие всяких проблемных вопросов даже приветствовалось. В конце 1980-х гг. начали писать на темы, которые когда-то были под запретом, в том числе об инфляции, прибыли, дефиците и т.д. В это же время мы впервые услышали, например, о Яноше Кюрнаи, была издана его книга «Дефицит». Было очень интересно слушать людей, которые в этом разби-

рались, а не талдычили пустые фразы про основной закон социализма. Откройте любой учебник по политической экономии тех лет (не знаю, сохранились ли такие?), и у вас просто глаза на лоб полезут от того, что там написано. Вы даже не поймете, о чем там речь идет. А ведь это учили как серьезную науку, вдальбивали в нас в течение пяти лет в МГУ. И люди, которые нам это рассказывали, были докторами, профессорами и академиками. Но ведь мы-то уже догадывались, что экономика — достаточно реальная наука, построенная на математике в том числе.

Кстати, помню фразу, которую Евгений Григорьевич любил произносить. Он говорил, что «наука — это возможность поразмышлять за государственный счет». Хорошая фраза!

* * *

Что касается моей трудовой жизни, то с 1993 г. я никакого отношения ни к науке, ни к преподаванию не имею. Как оказалось, мне действительно ближе, интереснее и понятнее реальная экономика и менеджмент, чем та сфера деятельности, где я когда-то начинал. Хотя о научной работе я не жалею, потому что познакомился там со многими умными людьми.

После того как ЦЭМИ разделился на институты, я одно время работал в институте Егора Тимуровича Гайдара. А когда в 1991 г. он ушел в правительство, Владимир Михайлович Мащиц пригласил меня к себе в Министерство РФ по сотрудничеству с государствами — участниками СНГ. Впрочем, там я проработал совсем недолго, так как быстро осознал, что министерская работа вообще не для меня. Эти организации живут по определенным законам, которые мне совершенно не подходят и не доставляют никакого удовольствия. Поэтому я оттуда быстро ушел, занявшись консалтингом в отделе корпоративных финансов компании КРМГ.

Тогда это было самое начало деятельности КРМГ в России: я, кажется, пришел одиннадцатым или двенадцатым человеком. Все заговорили о международных стандартах финансовой отчетности и тому подобных вещах, но пока мало кто представлял, зачем они нужны. Все учились по ходу работы, по книгам, по опыту других людей, по аналогиям. И я не могу сказать, что многие иностранцы, приехавшие в Россию, очень хорошо в этом разбирались. Кто поедет в страну, в которой непонятно, что происходит? Ну, конечно, люди с авантюрным типом характера, но не обязательно с большими познаниями.

Моя карьера после ухода из науки сложилась, как и все в нашей жизни, случайно. Честно скажу, что я никогда об этой карьере не мечтал. Во время социализма все было устроено очень просто: работаешь в научном институте, «думаешь за государственный счет», становишься старшим научным сотрудником, у тебя достаточно свободный график... И вдруг все перевернулось: появилась другая экономика, другие цели, другая жизнь. Моя карьера — это цепь случайностей, связанная с людьми.

Сейчас я думаю, что, наверное, была возможность пойти по другому пути. Ведь когда мы окончили МГУ и пошли к Ясину, у нас была, пожалуй, самая маленькая зарплата специалиста с высшим образованием по тарифным сеткам СССР. Меньше, кажется, вообще не было: 105 руб., и эта должность называлась «стажер-исследователь». Притом, что повышенная стипендия на нашем марксистко-ленинском экономическом факультете была где-то 70 руб., а моя жена в отраслевом институте получала около 160 руб. Так что наша зарплата была не самой привлекательной. С другой стороны, мы шли в институт, где было огромное количество людей с передовыми либеральными взглядами, куда просто так было не попасть.

* * *

Конечно, знакомство с Евгением Григорьевичем сильно повлияло на всю мою жизнь. Многие вещи, о которых мы даже не подозреваем, влияют на нас. Хороший климат, например: живете вы в Италии, где много солнца, и вроде бы становитесь более веселым человеком. Так же и здесь, работая среди людей, которые оказывают на вас благоприятное воздействие, — вы же не будете долго находиться в коллективе, где с человеческой точки зрения невозможно работать! А мы в ЦЭМИ работали долго, и это один из показателей того, что сама атмосфера общения была положительной, и все это остается на всю жизнь.

Евгений Григорьевич для меня — и учитель, и коллега. Классификация здесь не так важна, как отношение к человеку. Я всегда его уважал и ценил. И до сих пор, когда Ясина показывают по телевизору, я как бы невзначай в компании говорю: «Вот, мол, Евгений Григорьевич, а я у него был студентом и аспирантом». И окружающие начинают удивленно спрашивать: «Правда?! Ясин был твоим научным руководителем?!». В результате и мне приятно, и люди удивлены. А это еще один своеобразный показатель — вряд ли вы бы стали гордиться знакомством с человеком, у которого отрицательное обаяние!

Я не могу сказать, что Евгений Григорьевич сформировал у меня какой-то специфический образ мышления. Мышление складывается не только из того, с кем ты общаешься. Оно зависит от твоего характера, воспитания, семьи, книг, которые ты читаешь. Но Евгений Григорьевич, несомненно, стал для меня тем человеком, который помог думать по-иному. Ведь когда умный человек рассказывает что-то, вы потом начинаете интересоваться, читать, размышлять, сомневаться... Вот так и складывается это влияние.